

СВЕТ ДАЛЕКОЙ «ЗВЕЗДЫ»

Успех эта повесть имела небывалый. Первую книжку журнала «Знамя» за 1947 год рвали друг у друга, в библиотеках составляли очередь. Повесть одинаково увлекала недавних фронтовиков и людей тыла. Малоизвестный писатель открывал войну — чем-то напоминая ту, через которую прошли одни и о которой были слышаны другие, истомившиеся в ожидании вестей с передовой. И те, и другие приобщались к необычной жизни лейтенанта Травкина, к военным тайнам, какие добывали его разведчики, углублялись в бескрайние леса, словно в небытие. Читатели не хотели мириться с молчанием «Звезды» — позывной разведчиков. В этом нежелании было что-то и от нежелания согласиться с утратой близких. Утрат хватало у всех.

Писатель не утешал, наоборот, он давал понять, почувствовать, что значит потерять чистого, благородного юношу Травкина, потеряв его солдат, умевших совершать нечто, превышающее обычные человеческие возможности.

Но все это ненапрасно — их виртуозное искусство, их самоотвержение, самое ужасное, отвергаемое душой, — их гибель. Скрытно копившиеся в лесах вражеские силы, дивизия «Викинг» обречены, планы гитлеровской ставки биты, впереди победное наступление наших войск.

Эммануил Казакевич написал трагическую повесть, наделенную поразительной духоподъемностью. Люди, узнавшие Травкина, полюбившие его, должны проникнуться травкинским мировосприятием, высоким представлением о собственном долге, чувством ответственности за каждый свой шаг, за общее дело, за участь подчиненных.

Писательские идеи не декларировались, не выпирали налицо, а были скрыты в отступлениях. Но и не прятались в словесные дебри. Повесть была ясна, прозрачна, удивительно светла, несмотря на уход из жизни ее героев, на неизбежную тоску радистки Кати, продолжающей тщетно вызывать «Звезду».

Любовный мотив не главенствует в повести, но без него она бы не состоялась.

Простота повествования не должна вводить в заблуждение. «Звезда» затрагивала далеко не простые проблемы, отвергая элементарность принципа «война все спешит», касался ли он фронтового романа или «реквизиции» крестьянских лошадей. Нравственный максимализм импонировал великому множеству читателей, полагавших, что вместе с войной должно уйти в прошлое все дурное, накопившееся за годы.

Уже когда группа выполнила львиную долю задачи и разведчики догадывались: их часы сочтены, бесшабашный Мамочкин вдруг бросился просить у командира прощенье. Это из-за него их подкарауливает беда, — он не довел двух лошадей до деревни, сдал их внаем и брал продукты.

«— Простите, товарищ лейтенант. Если придут здоровым.

— Придешь здоровым — пойдешь в штрафную роту, — сказал Травкин.

— И пойду! С удовольствием пойду! И я знал, что вы так скажете!..»

Такова потребность в очищении.

Романтическое облако окутывало события «Звезды», не смятая их жестокость, но отбрасывая на все словно бы светлую тень. Не привнесенная романтика, рекомендованная соцреализмом, но органическое жизнеощущение автора и главных героев. Повесть написана человеком, влюбленным в войсковую разведку, знающим ее с доскональностью, не доступной стороннему наблюдателю. Но откуда такая осведомленность у одного из самых непригодных к строю солдат «писательской роты»?

«Штафирка», «очкарик», он был разведчиком милостью божьей — хладнокровным, бесстрашным, умеющим анализировать добытые сведения. Из редакции тыловой газеты, потом, после тяжелого ранения, из госпиталя он бежал в свою дивизию. Никто из сослуживцев по «писательской роте» не проделал такой карьеры, завершив войну помощником начтразведотдела 47-й армии.

Демобилизовавшись, Казакевич возвращается в Москву, семья ютится в общежитии, дочка носит одну пару обуви на двоих. Казакевич пишет «Звезду», веря в ненужность смерти своих героев. Он убежденно верил в исходное благородство коммунистического идеала и люто ненавидел корысть. Окружающее не походило на то, о чем мечтали в войну. Но это не убивало веру и не привносило фальшь в романтическую повесть. Разве что трогательную наивность, свойственную и мудрецам.

Сейчас легче легкого «внести ясность». Тем более, что уже следующая его повесть — «Двое в степи» попала в разгромное постановление ЦК.

Казакевич, поверьте, был умнее многих нынешних умников, и мировоззрение свое выстрадал в буквальном смысле, успев увидеть жизнь в разных областях, поработав и колхозным бригадиром, и в газете, и директором театра, сочиняя стихи на еврейском

языке, пробираясь за «языком». Он не был ни баловнем, ни пасынком судьбы, но старался быть хозяином, выстраивая ее сообразно собственным воззрениям.

Он не хмелел от Сталинской премии и не паниковал при грозных нападках. Он работал, подчиняясь своей стратегической линии, допускавшей определенный маневр в надежде прорваться на оперативный простор, полностью избавиться от пут и навязанных канонов.

По авторскому замыслу роман «Весна на Одере» не мог вызвать официальной критики. Но когда автор попадает в разряд постылых, ничего хорошего ему ждать не приходится. Вокруг «Весны на Одере» готовилась уничтожающая свистопляска. Но отцу народов понарядился роман, — свистопляску заменили славословием.

После смерти Сталина Казакевич затеял невиданное тогда предприятие — альманах «Литературная Москва», издаваемый группой писателей. Первый номер вызвал растерянность властей, второй — ярость. Редколлегия громили показательно, при стечении публики. Казакевич держался с достоинством и легкой насмешкой. Альманах, разумеется, прихлопнули. Прощупав официальные инстанции, Казакевич не собирался им потакать и писал то, что полагал нужным, собирал материал для широкого полотна.

Он был интереснейшим собеседником — остроумным, эрудированным, подчас неожиданным. «Давайте послушаем музыку», прерывал он литературный разговор и ставил на патефон пластинку Баха. Но иногда разговор нарушался его солдатски грубым матом, брошенным с такой легкостью, будто в комнате нет женщин.

Он недожил до пятидесяти, скончался осенью 1963 года. Стиснув зубы, переносил чудовищные мучения, не сомневаясь в близком конце, в редкие минуты продолжал диктовать.

Два слова о фильме «Звезда», выпущенном в 1953 году. Опытный сценарист П. Фурманский (солдат той же «писательской роты»), умелый режиссер А. Иванов не смогли создать картину, адекватную повести. Но вряд ли в том их вина. Как и многие кинематографисты, они стали жертвами требований, предъявляемых к «самому массовому из искусств». Это означало поменьше психологических сложностей и уж ни в коем разе не трагический финал.

Кинокартина по-своему предвосхитила дальнейшую судьбу повести. С годами она теряла какие-то особенности, покорявшие читателя. Теряла по тем же причинам, по каким когда-то покоряла. Не красоты ради взято для этой заметки название — «Свет далекой «Звезды».

В. КАРДИН.